

Слушая, как они обращаются друг к другу «сестричка» и «старшая сестра», Цзи Вань с трудом сдерживала улыбку. Взяла лист бумаги для черновика и быстро написала: [Это все твои первокурсницы?]

Мэн Бучин, не отрывая взгляда от экрана, продолжала ловко управлять персонажем и между делом спросила:

— Не знаю... Вы все первокурсницы?

В телефоне внезапно воцарилась тишина.

Затем последовал взрыв удивления:

— Кто? Кто тут первокурсница?

— ...

Голос Цуй Южань, ясный и нежный, прозвучал:

— Я и Лили учимся на втором курсе магистратуры, Цифэн — на четвертом курсе бакалавриата. Никто тут не первокурсница.

Мэн Бучин слегка дернула уголком рта, приоткрыла губы и снова спросила:

— А кто-нибудь из вас перескочил класс?

Цуй Южань:

— Не думаю. А что?

Прошло несколько мгновений.

Мэн Бучин выключила микрофон, наклонилась к Цзи Вань и тихо, с серьезным выражением спросила:

— Неужели я выгляжу так старше?

Как она могла сразу же быть принята за старшую сестру?

И еще привела с собой целую группу, чтобы так называть её...

— Как ты можешь выглядеть старше? — Цзи Вань, сдерживая улыбку, ответила серьезно. — Возможно, ты просто выглядишь очень умной, и люди думают, что ты уже учишься в докторантуре.

Мэн Бучин пристально смотрела на неё, пытаясь понять, правда ли это, затем вздохнула:

— Ладно, наверное, так и есть!

Её персонаж на экране продолжал быстро двигаться влево и вправо.

Она все еще не могла поверить, тихо пробормотала:

— Я думала, что она первокурсница... С такой радостью вела её, как младшую сестру... А она оказалась не младшей сестрой...

Услышав её тон, Цзи Вань спросила:

— Тебе нравятся те, кто младше тебя?

Мэн Бучин быстро подняла на неё взгляд. Ей показалось, что вопрос странный, будто в нем был какой-то скрытый смысл, но она не могла понять, в чем именно. Опустив глаза, она невнятно ответила:

— Да.

— ...

Цзи Вань больше ничего не сказала.

Она вернула взгляд на экран компьютера, где на пустом документе мигал тонкий вертикальный курсор после заголовка. Она сидела спиной к свету, и её лицо казалось немного тусклым.

Она набрала несколько слов на клавиатуре, хотя это была идея, которая давно витала в её голове, но текст все равно казался чужим.

Поиграв и завершив все дневные задания, Мэн Бучин немного поболтала с ними, посмотрела на время и, увидев, что уже поздно, завершила разговор. Потрепала слегка затекшую шею, наклонила голову и спросила Цзи Вань:

— Ты еще не закончила работу? Я хочу сыграть с тобой в шахматы.

— ...

На лице Цзи Вань не было никаких эмоций, но она закрыла ноутбук, освободив место на столе для шахматной доски.

— Можно? — глаза Мэн Буцин загорелись, и она быстро поднялась с дивана, села напротив и с готовностью достала шахматную коробку. — На этот раз ты начинаешь, я хочу попробовать играть белыми.

— Хорошо.

На этот раз Цзи Вань не поставила первый камень в центр доски. Она строго следовала правилам, заняв угол.

— Ты сегодня будешь одна дома, — Мэн Буцин последовала за её ходом, не слишком серьезно относясь к игре, и завела разговор. — Как будешь ужинать?

— Закажу еду или выйду куда-нибудь.

— Еще не решила?

— Нет.

— Лучше выйди куда-нибудь... — Мэн Буцин была против доставки еды, боясь, что та либо забудет посолить, либо пересолит, или даже поранит себя во время готовки.

Она прикинула время.

Из-за шахмат она не успеет приготовить ужин перед уходом.

— Вчера ты научила меня четырем блюдам, я сделала только два, — вдруг сказала Цзи Вань. — Вечером могу попробовать приготовить оставшиеся два, чтобы не забыть шаги.

— Не надо, я могу снова научить, если забудешь, — Мэн Буцин с заботой предупредила. — Когда меня нет рядом, не готовь.

Цзи Вань на мгновение замерла, убирая руку, и посмотрела на неё с полуулыбкой:

— Мне всегда нужно, чтобы ты была рядом, когда я готовлю?

Слово «нужно» она произнесла слегка игриво.

Будто дразня или насмехаясь.

Мэн Буцин тупо уставилась на неё:

— А?

Затем быстро добавила:

— Конечно, я не это имела в виду. Просто ты еще не научилась, и если я буду рядом, то... это будет лучше.

Её слова не передавали сути.

И белый камень она поставила слишком поспешно.

Цзи Вань ничего не сказала. Она держала черный камень в правой руке, медленно проводя им по камню в левой ладони.

Её взгляд оставался на доске.

— Ты поставила сюда, — её голос слегка понизился.

— Что? — Мэн Буцин растерялась.

— Ты могла бы оценить ценность этого хода, стоит ли его делать, — спокойно сказала Цзи Вань. — Но ты просто поставила его, следуя шаблону.

— ...

— Ты даже не обратила внимания на состояние доски.

Мэн Буцин, не заметившая этого, опустила длинные ресницы, уставившись на доску.

Услышав это, она внимательно посмотрела и поняла, что действительно ошиблась.

Она хотела убрать неправильно поставленный камень, но не знала, не нарушит ли это правило «ход нельзя отменять», и не рассердит ли её еще больше. На мгновение она растерялась.

— Когда ты учишь математику, ты тоже просто запоминаешь формулы и решаешь задачи, не вникая в суть? — холодно заметила Цзи Вань. — Неудивительно, что твои оценки невысокие.

— ...

Слова не были обидными.

Но внезапно строгий тон заставил сердце Мэн Буцин сжаться. Она поняла, что Цзи Вань действительно сердится, и почувствовала растерянность и неожиданную путаницу.

— Извини, я не старалась...

Мэн Буцин опустила глаза, извиняясь.

За окном стемнело, и легкий сквозняк слегка шевелил их распущенные волосы.

Через некоторое время Цзи Вань, увидев её смущенное лицо, тихо вздохнула:

— Извини, что накричала на тебя.

Мэн Буцин сжала губы, подняв на неё взгляд.

Её брови были слегка сдвинуты, а в черных глазах, казалось, читались обида и боль. Они блестели, будто наполненные слезами.

Цзи Вань подумала и тихо утешила:

— Учителя сердятся только на талантливых учеников.

— ...

Её тон смягчился, стал теплым и нежным, словно наполненным глубокой привязанностью. Такой тон утешения мог проникнуть прямо в сердце.

В глазах Мэн Буцин мелькнули сложные эмоции.

Увидев, что она молчит, Цзи Вань слегка наклонилась вперед.

Хотела рассмотреть её выражение лица.

Её вязаный свитер слегка сдвинулся, обнажая белоснежную ключицу, а тонкая цепочка на шее слегка покачивалась, блестя в глазах Мэн Буцин, опущенных вниз.

Один за другим, эти моменты проникали в её сердце.

Как будто загипнотизированная, она невольно протянула руку.

Указательный палец зацепил тонкую цепочку.

Слегка потянула её вперед.

Цзи Вань, подчиняясь движению, наклонилась еще ближе, подняв подбородок. Их взгляды встретились на расстоянии вытянутой руки.

Она была крайне удивлена, сердце билось как барабан. Закрыла глаза, затем быстро открыла.

Не зная, как реагировать.

Мэн Буцин заметила её мгновенную растерянность и вдруг улыбнулась, мягко и невинно сказав:

— Разрешаю тебе сердиться.

Несмотря на нежелание, в пять тридцать Мэн Буцин все же должна была уйти. В кармане её куртки лежали телефон, беспроводные наушники и транспортная карта.

С чайными листьями, которые дала Цзи Вань, она отправилась в путь.

Поехав на метро несколько остановок, она быстро увидела высокое и величественное здание отеля на другой стороне улицы.

— Здравствуйте, — Мэн Буцин подошла к стойке регистрации, телефон в кармане вибрировал, но она не достала его, с улыбкой спросив:

— Скажите, пожалуйста, в каком зале проходит празднование дня рождения господина Сяо?

Сотрудница проверила информацию на планшете и с улыбкой ответила:

— Пятый этаж, поверните направо и идите до конца, там будет зал.

Мэн Буцин поблагодарила.

Она шла быстро, руки в карманах куртки.

Несмотря на то, что её синее платье выглядело изящно и элегантно, распущенные волосы были гладкими и шелковистыми, а кожа белоснежной, она все же не соответствовала представлениям некоторых о «настоящей леди».

В её глазах было слишком много света, она всегда держала голову высоко, без тени робости или застенчивости.

Она шла слишком быстро, и развевающаяся юбка излучала уверенность и решительность.

Как только двери лифта на пятом этаже открылись, Мэн Буцин была схвачена дядей, ожидавшим рядом:

— Почему ты не отвечаешь на сообщения мамы? Телефон украли?

Сяо Сяохуа был одет в костюм, выглядел очень опрятно. Его лицо с детскими чертами было добродушным и привлекательным, а глубокие складки на веках придавали ему особую харизму.

— А, — Мэн Буцин посмотрела на него, не меняя выражения. — Телефон на беззвучном режиме, еще не смотрела.

— Мама уже давно ждет тебя внутри, почему ты так поздно?

— На дороге пробки.

<http://bllate.org/book/15530/1380881>